

А. С. Пученков
Киев в конце 1918 г.:
падение режима гетмана
П. П. Скоропадского

В ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, кайзер Вильгельм II отрекся от престола, и через несколько дней союзники торжествовали победу. Германия пала. Поражение Германии в мировой войне сделало положение гетмана П. П. Скоропадского, пришедшего в апреле 1918 г. к власти на Украине при помощи немецких оккупационных сил¹, крайне тяжелым.

В надежде удержать власть гетман обращается за помощью к представителям всех антибольшевистских сил, объявив о федерации с будущей небольшевистской Россией. «Грамота его светлости естественно была встречена огромным большинством весьма сочувственно. Как-то сразу утихли шовинистические страсти, оборвались разговоры на “рідной мове”, “буди ласкові” заменились старым “пожалуйста”. Кое-где замелькал национальный русский флаг», — вспоминал современник². Кроме того, гетман отправил в отставку кабинет³. И хотя министерский кризис вызревал на Украине давно, главной причиной его стала смена внешнеполитической ориентации⁴. Ф. А. Лизогуб, председатель правительства, вел переговоры в том числе и с украинскими национальными кругами, однако требования «украинцев» были «столь чрезмерны», что сговориться Скоропадскому с националистами не удалось⁵. Новый состав кабинета, по именам, в массе своей состоял из людей русской ориентации⁶. С точки зрения самостийного движения, подобная политика Скоропадского была предательством украинской государственности и нарушением данной гетманом присяги на верность Украине⁷. Самостийники увидели в гетмане злейшего врага Украины, готовящего новое порабощение страны «москалями». Несомненно, гетман понимал, что своим заявлением он наживает себе нового врага, но необходимо было срочно «менять флаг», то есть искать нового могущественного покровителя, который может обеспечить гетманскую Украину реальной военной

Пученков Александр Сергеевич,
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
электротехнический
университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова
(Ленина).
ap80@mail.ru

поддержкой⁸. Кроме того, как вспоминал начальник штаба гетмана генерал Б. С. Стеллецкий, гетман недооценивал вождя националистов С. В. Петлюру, считая того неспособным на организацию серьезной борьбы против гетманской власти. По словам Стеллецкого, «Петлюра рисовался пигмеем в изображении гетмана»⁹. Вместе с тем, Скоропадский считал необходимым удерживать Петлюру в тюрьме, изолировав его тем самым от политической жизни. На освобождение Петлюры гетман пошел только под давлением немецкого командования. Освобожденный из тюрьмы, Петлюра немедленно начал борьбу за власть на Украине¹⁰.

Гетман «зондировал почву» о соглашении с Добровольческой армией, проведя в начале октября через своего адъютанта графа Д. А. Олсуфьева встречу с эмиссаром Главнокомандующего Добровольческой армией генерала А. И. Деникина полковником Н. З. Неймироком. В беседе с Неймироком гетман жаловался на то, что, «несмотря на ряд попыток завязать какие-либо отношения с г. Алексеевым, подобно тому как с г. Красновым, — кроме ничего незначущих писем с выражением знаков вежливости, от ген. Алексеева я ничего не получил. Между тем это приносит существенный вред общему делу, — не мне, т. к. мне ничего не надо... Даю Вам слово, что до сего времени я буквально ничем не связан, никаким договором с Берлином и совершенно твердо отгородился от Австрии...». «Меня интересует точка зрения Добрармии, при каких условиях возможны переговоры. Ведь я знаю, Добрармия нуждается в патронах и снарядах, этим Украина богата. Повторяю — мне ничего не надо, но ведь русское дело всем дорого», — заявил Скоропадский. На возражения собеседника, что М. В. Алексеев не пошел на переговоры, так как Украина объявила себя самостоятельной, а значит, не приемлющей главный лозунг белых «Единая, Великая и Неделимая Россия», Скоропадский объяснил свою позицию: «[Я] определенно смотрел и смотрю, и это знают мои близкие — настоящие русские люди, что будущее Украины в России, но Украина должна войти, как равная и равной на условиях федерации. Прошло время командования из Петербурга — это мое глубокое убеждение. Самостийство было необходимо, как единственная оппозиция большевизму. Надо было поднять национальное чувство... Я никогда не симпатизировал немцам, но только они спасли русскую культуру на Украине. Теперь можно быть спокойным, чтобы не случилось — большевики сюда не придут, немцы не допустят»¹¹. Однако Деникин отнесся к сближению с Украиной более чем прохладно, понимая оппортунизм гетманской политики. По словам Антона Ивановича, «Гетман не желал понять, что между идеологией “Единой, Великой и Неделимой России” и той, которую до последних дней исповедовал он, гетман... лежит непроходимая пропасть...»¹² Кроме того, Деникин считал, что его армия не имеет сейчас возможности ввязываться еще в украинские дела, продолжая испытывать затруднения при решении своих задач на Северном Кавказе. Таким образом, соглашения с Деникиным Скоропадскому достичь не удалось, что стало для гетмана, быть может, фатальным. Началась агония гетманщины, на фоне которой продолжалось успешное наступление войск С. В. Петлюры на Киев.

Петлюра, выпущенный гетманом по настоянию немцев под честное слово из тюрьмы, сумел в кратчайшие сроки вернуть себе популярность среди украинского крестьянства, из-

мученного немецкой оккупацией. В Белой Церкви Петлюра создал штаб своей новой армии и развернул широкую агитацию за свержение гетмана и немцев. Несомненно, что именно оккупация подтолкнула крестьян к ноябрьскому восстанию 1918 г. В этой ситуации агитация Петлюры против гетмана, воплощавшего в глазах крестьянства все зло, причиненное немцами, была сверхэффективна. Наступление петлюровцев на главный город Украины стало развиваться с исключительной скоростью. Киев начало лихорадить от страха. Город теперь жил исключительно слухами и надеждой на скорый приход союзников. Слухи, как вспоминал современник, передавались «самым верным беспроволочным телеграфом — “Крещатикум”». Каждый слух, каждая новость-небылица, пущенная запуганным обывателем для собственного успокоения, моментально становилась достоянием всего города»¹³. В Киеве, как и накануне падения Рады, началась волна митингов, речей, бессмысленных резолюций; особую активность при этом проявляло столичное студенчество, из-за чего власти были вынуждены закрыть университет и подавить силой оружия студенческую демонстрацию, объявленную в знак протеста против решения властей¹⁴.

К тому моменту проигравшие уже в войне немцы хотя и располагали реальной силой, но фактически умывали руки, общее настроение в пораженных «бациллами» революции германских войсках было одно: «скорее домой!»¹⁵ В войсках стремительно распространялась большевистская агитация, в происходящих событиях они играли пассивную роль, не оказав никакой поддержки своему ставленнику Скоропадскому, вспоминал начальник штаба германских сил на Украине генерал В. Гренер¹⁶. Свою, как представляется, психологически верную версию событий предложил и осведомленный В. В. Шульгин: «Скоропадский не мог не видеть, что стрелка мирового компаса, сделав поворот в 180 градусов, повернулась спиной к немцам и указывает яркую звезду восходящей Антанты. Но в Киеве все же единственной реальной силой оставались немцы. И пока они были здесь, Скоропадскому, пожалуй, не стоило изменять им и кланяться Антанте. И смертельно раненый лев опасен, пока жив. Это узнал на собственном опыте Гетман. «“Реальная политика”, конечно, вещь хорошая, но какая она обманчивая: никогда не знаешь, что же на самом деле реально. Этика — проще, ибо состоит из “категорических императивов”. С точки зрения “этики”, Гетману, получившему власть из рук немцев, когда они были в славе, нельзя было отступить от них в минуту крушения. А он отступился вполне... Скоропадский не понял положения и предупреждений и продолжал компрометировать себя в глазах немцев, у которых, несмотря на все, он был в руках. И немцы на прощание отплатили за это парфянской стрелой. С виду поддерживая дружеские отношения с Гетманом, они орудием мести приспособили Петлюру...»¹⁷. Недооцененный гетманом Петлюра оказался в тот момент в нужное время в нужном месте, умело использовав все свои козыри.

В условиях кажущейся пассивности немцев и отсутствия военной силы у гетмана на первое место должны были переместиться силы, ориентировавшиеся на поддержку Антанты и верного лозунгу «Единой, Великой, Неделимой России» генерала Деникина. Поначалу представи-

тель Добровольческой армии генерал П. Н. Ломновский занял выжидательную позицию и не предпринимал активных действий. Ломновский, выполняя инструкцию покойного Верховного Руководителя Добровольческой Армии генерала М. В. Алексева «принять на себя непосредственное руководство делом переправки офицеров и солдат в Добровольческую армию из г. Киева и губерний Черниговской, Волынской, Киевской и Подольской...»¹⁸, опасался проявлять инициативу и выходить за рамки данного ему служебного поручения.

К тому моменту власть гетмана фактически «повисла в воздухе». Тем временем, под влиянием поражения Германии и успехов Добровольческой армии, до конца оставшейся верной союзникам, рос авторитет и деникинской армии, и ее Главнокомандующего. Армия Деникина становится центром притяжения русских сил Киева; последние знали, что Добровольческая армия представляет собой серьезную силу, и верили, что в скором времени союзники окажут Деникину реальную военную помощь.

В столице самостийной Украинской Державы началось формирование дружин, выступавших под трехцветным русским национальным флагом. «Для поддержания патриотического подъема офицерства и сохранения края от вторжения большевиков до ожидаемого прихода союзников я решил дать киевским формированиям флаг Добр. Армии», — так комментировал эти события генерал Деникин¹⁹. Самой многочисленной была дружина генерала Льва Николаевича Кирпичева, но и она насчитывала всего несколько сот человек. Дружинники Кирпичева несли охрану внешнего периметра Киева²⁰. Город разделялся дружиной на 6 отделов, причем предполагалось, что охрану каждого отдела будут нести 200 офицеров. Сам Кирпичев в интервью подчеркивал, что его дружина является «общественной организацией» и имеет мало общего с гетманской вартой и полицией²¹. Русским формированиям было разрешено носить русскую форму и кокарды, в связи с чем дружинников называли «белогвардейцами», сравнивая их с деникинцами²². По всему городу были развешены огромные афиши с надписью: «Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан»²³. В агитационных воззваниях киевская добровольческая дружина призывала вступить в ее ряды во имя спасения Украины — «этой части великой России от большевистского ига»²⁴.

Сама организация дружин была в высшей степени неудачной: штабы были переполнены, причем чинов штаба и штыков было примерно поровну; многие офицеры исчезали, получив обмундирование и подъемные, «другие, — по воспоминанию осведомленного свидетеля событий капитана Г. Лерхе, — странствовали из Северной армии в Особый корпус, оттуда в дружину, затем поступали под другими фамилиями в Северную армию, всюду получая огромные деньги...»²⁵ Один из очевидцев событий писал в штаб Добровольческой армии: «Никто не подумал о лозунгах для агитации. Неужели лозунги правых зубров могут конкурировать с лозунгами большевиков и петлюровцев. Не мудрено, что притока добровольцев нет. Власть весьма непопулярна. Офицеры на позициях, видя творящиеся безобразия, ропщут. Начинается самотек. Они говорят: пусть воюют штабы, а мы не хотим умирать за 4000 десятин графа Гейдена»²⁶.

В дружинах циркулировали слухи о раздорах среди генералитета, на позиции не доставлялись вовремя горячее еда и питье, зачастую в окопах приходилось сидеть без теплых сапог; как следствие, авторитет вождей был крайне невысок²⁷.

Судя по газетам того времени, многочисленные «самозванцы» собирали деньги якобы на содержание добровольческих дружин. Угроза вмешательства полиции не очень-то и действовала²⁸. Сами петлюровцы оценивали боевые качества добровольческих дружин очень невысоко, считая, что дружинники «разбегутся при первом же натиске»²⁹. Как оно оказалось на самом деле — судить читателю.

Тем временем, 31 октября 1918 г. газета «Голос Киева», созданная после закрытия «Киевлянина» при помощи В. В. Шульгина³⁰ и осуществлявшая легальную деятельность на территории гетманской Украины³¹, опубликовала приказ от имени генерала Деникина, заявлявший о подчинении всех войск на территории России Главнокомандующему Добровольческой армией. «Приказ» произвел в городе ошеломляющее впечатление. Всюду появлялись русские флаги. Правительство растерялось», — вспоминал очевидец³². Виднейший эмигрантский военный историк генерал Н. Н. Головин ошибочно приписывал авторство этого приказа генералу П. Н. Ломновскому, считая, что издание приказа «представляло собою попытку произвести Coup d`etat (государственный переворот. — А. П.) в пользу Деникина»³³. Сам Ломновский был встревожен созданным положением и сообщил в штаб Деникина о том, что подобный приказ «может вызвать неурядицы» в и без того взбудораженном Киеве³⁴. Генерал Кирпичев немедленно издал приказ о том, что киевская добровольческая дружина является частью Добровольческой армии, находящейся для охраны безопасности и поддержания порядка в Киеве, а ее чины находятся на действительной военной службе³⁵. Лишь какое-то время спустя министр иностранных дел гетманского правительства Г. Е. Афанасьев догадался запросить по телеграфу Ставку Деникина; ему ответили, что такого приказа не отдавалось. Деникин телеграфировал 4 ноября 1918 г.: «Приказа в редакции появившейся Киевских газетах я не отдавал. Генералу Ломновскому представителю Добровольческой армии в Киеве приказано объединить управление всеми русскими добровольческими отрядами Украины, при чем ему вменяется обязанность всемерно согласовывать свои действия интересами Края направляя все силы к борьбе с большевиками и не вмешиваясь во внутренние дела края. Раз Украина стала на путь Русской Государственности, представляется необходимым войти в соглашение по вопросам образования единого фронта единого командования борьбы с большевиками и единого Российского представительства на международном конгрессе. В основу соглашения Добровольческая армия ставит три положения: первое единая Россия второе борьба с большевиками до конца третье верность договорам союзниками при полном отказе от германской ориентации»³⁶. Кто был автором подложного приказа, появившегося от имени Деникина, — установить так и не удалось. Не знал автора приказа и сам Антон Иванович³⁷, предполагавший, что приказ исходил от шульгинской контрразведывательной организации «Азбука», пожелавшей, по слухам, «ускорить со-

бытия, поставив меня перед свершившимся фактом. Достоверно не знаю»³⁸. Вместе с тем, приказ сыграл свою роль — русские силы в Киеве осмелели и потребовали для себя особых прав. На время именно добровольцы почувствовали себя хозяевами положения в Киеве³⁹.

Гетману не на кого было опереться, кроме как на силы «русской ориентации». Уже 14 ноября (1 ноября) гетман издает грамоту, в которой говорилось о том, что Украине «первой надлежит выступить в деле создания всероссийской федерации, конечной целью которой явится восстановление Великой России». Гетман призывал всех сплотиться вокруг него и «грудью стать на защиту Украины и России». «Я верю, — прибавлял гетман, — что в этом святом патриотическом деле, — вы, граждане и казаки Украины, — а также все остальное население окажете мне сердечную и мощную поддержку. Вновь сформированному кабинету я поручаю ближайшее выполнение этой великой исторической задачи»⁴⁰. Игра в самостийность для Скоропадского закончилась неудачей. Самостийники с ним не пошли, а уже 16 ноября (н. ст.) в Киеве было расклеено воззвание возникшего еще в июле 1918 г. Украинского национального союза, находившегося при гетмане на конспиративном положении, и объявлявшее об учреждении Директории из 5 лиц (В. Винниченко, С. Петлюры, Ф. Швеца, О. Андриевского и А. Макаренко) и о низложении гетмана⁴¹. Возвания были немедленно сорваны чинами Державной варты, были произведены массовые аресты самостийников, еще раньше правительство Гетмана запретило съезд союза, после чего все деятели союза разъехались по губерниям Украины и стали деятельно готовить восстание на местах⁴². Стало очевидно, что «украинствующие», как называл их Шульгин, окончательно разорвали отношения с гетманом и объявили ему войну⁴³. Центром повстанческого движения и местом пребывания Директории стала Белая Церковь, где как раз в то время формировалась дивизия Сечевых стрельцов. После оглашения Директорией своего универсала на ее сторону перешли все украинские национальные части, восстание приняло истинно народные формы. Главной целью армии Директории был объявлен захват Киева⁴⁴.

5 ноября 1918 г. грамотой гетмана Главнокомандующим всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, был назначен генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер, пользовавшийся широкой поддержкой политических и финансовых кругов Украины⁴⁵. Этим актом Скоропадского «устранялось неудобство непосредственного подчинения “украинскому гетману” российских дружин и вместе с тем последние косвенно выходили из распоряжения добровольческого командования», — комментировал назначение Келлера Деникин⁴⁶. Имя Келлера, известного и популярного в армии кавалерийского начальника и идейного монархиста, рыцарски честного и прямодушного человека⁴⁷, совершенно не умеющего, правда, разбираться в людях⁴⁸, должно было привлечь под его знамена монархически настроенное офицерство. Несмотря на то, что Скоропадского, по его словам, «очень пугали» правые убеждения графа и «его ненавистничество ко всему украинскому», после долгих уговоров он решился на назначение Келлера, предоставив ему «громадные полномочия»⁴⁹. Отметим, что Федор Артурович получил от гетмана не только «громадные полномочия», но и громадные суммы: все

финансовые запросы Келлера на нужды вверенных ему войск были удовлетворены в том размере, в котором требовал граф⁵⁰. Келлер решил, что в его руках оказалась вся полнота военной и гражданской власти на Украине, о чем и телеграфировал Деникину⁵¹. Фактически Келлер рассматривал свою деятельность на посту Главнокомандующего как начало объединения всех антибольшевистских сил Юга России, полагая, что ему должно быть подотчетно и гетманское правительство⁵². Сложным стало и положение генерала Ломновского, который, не признавая двоеначалие в вопросах оперативного характера, теперь перестал вмешиваться в распоряжения Келлера, касавшиеся применения добровольческих отрядов для обороны Киева. Офицерство же с трудом усваивало новые правила игры; мысль о том, что, защищая Киев, оно поддерживает не власть гетмана — немецкого ставленника, а защищает столицу Украины до прихода и развертывания сил союзников, была для рядового офицера не очень понятна⁵³. Умирать за гетмана офицерство не желало⁵⁴.

Чем руководствовался Келлер, соглашаясь на свое назначение на пост Главнокомандующего? По словам адъютанта Келлера, С. А. Топоркова, граф оказался в Киеве с задачей объединения трех армий — Добровольческой, Астраханской и Южной⁵⁵. Узнав о «приказе генерала Деникина», о котором мы уже говорили, Келлер отказался от намерения ехать в Псков для возглавления Северной армии (молва «сватала» туда Федора Артуровича еще летом 1918 г.)⁵⁶ и с присущей ему откровенностью заявил, что не желает вредить усилиям Добровольческой армии «отвлечением офицеров и средств на север»⁵⁷. Келлер полагал для себя невозможным отказаться в такой тяжелый для Родины момент от ответственного назначения, мечтая о том, что его армии уже «через два месяца поднимут Императорский штандарт над священным Кремлем»⁵⁸. Обращаясь к русским офицерам Киева, отказывавшимся участвовать в подавлении внутренних беспорядков на Украине, мотивируя это тем, что они считают себя находящимися в составе Добровольческой армии, Келлер в приказе от 6 (19) ноября заявил о том, что «в настоящее время идет работа по воссозданию Единой России, к чему стремятся Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская армия, а ныне принимают участие и все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством. На основании этого все работающие против единения России посчитаются внутренними врагами, борьба с которыми для всех обязательна. А не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду, как за неисполнение моих приказов»⁵⁹. В интервью представителям прессы граф подчеркнул, что «Я принял командование в момент исключительно тяжелый, обостренных отношений, в минуту большой опасности, когда со всех сторон надвигаются различные элементы, чтобы захватить власть и создать беспорядок. Мои права и полномочия громадны и, в силу предоставленной мне власти, я не допущу анархии и беззакония». Келлер обнадежил журналистов тем, что ему удалось установить контакт с Деникиным и Красновым, причем помощь первого ожидается «с минуты на минуту»⁶⁰. Действительно, Келлер развил бурную деятельность, и возможно, что его энергия могла бы передаться и его подчиненным. Однако, как политический деятель, храбрый и талантливый

генерал Келлер, был, по словам Деникина, «прямо опасен»⁶¹. Келлер без какого-то лукавства говорил в своих воззваниях о Единой России, игнорируя упоминание термина «Украина». По справедливому замечанию историка В. П. Федюка, «Келлер вел себя так, будто бы ни гетмана, ни гетманского правительства уже не существовало»⁶². Понятное дело, что такое положение вещей не могло не вызвать недовольства гетманского правительства. Ф. А. Келлер в ответ на претензии министров предъявил ультимативное требование полноты власти и в тот же день, 26 ноября по новому стилю, был отправлен гетманом в отставку⁶³. По Киеву ходили упорные слухи, что Скоропадский испугался популярности Келлера и того, что граф метит в диктаторы и готовит переворот. В своих воспоминаниях осведомленный граф Д. Ф. Гейден говорил, что гетман опасался, что русское офицерство предпочтет «руссофила» Келлера «украинофилу» Скоропадскому и «выведет Келлера на его место»⁶⁴. Сам гетман утверждал, что «это вздор, во всяком случае, это было бы бесконечно глупо, так как решительно никакие организации и партии, кроме самых правых, Келлеру не сочувствовали»⁶⁵. На своем посту Келлер пробыл всего десять дней. Будучи дисциплинированным военным, Федор Артурович сдал должность и не решился «на новую авантюру, которая, может быть, и спасла бы положение», — вспоминал Д. Ф. Гейден⁶⁶. Вместе с Келлером ушел в отставку и начальник санитарно-эвакуационной части при главнокомандующем вооруженными силами на Украине В. М. Пуришкевич, который решил остаться начальником санитарного дела Северной армии, к месту расположения которой вроде бы собирался Келлер⁶⁷. Однако надеждам его не суждено было сбыться. События в городе развивались слишком стремительно.

Келлеру оставалось жить всего несколько дней. Вскоре после падения Киева генерал был арестован петлюровцами и вероломно убит выстрелами в спину в 4 часа утра 8 декабря 1918 г. у подножия памятника Богдану Хмельницкому⁶⁸. До последнего момента Келлер оставался тем, кем он был всегда: честным человеком и храбрым офицером, беспредельно преданным своей Родине — России.

Новым главнокомандующим был назначен генерал князь А. Н. Долгоруков, личный друг гетмана. Отличный боевой генерал, Долгоруков принял свою должность в ситуации, в которой ему, по словам современника, «самому больше нечего было терять и оставалось только защищать Киев до последнего солдата и себя включительно...»⁶⁹ В беседе с представителями прессы Долгоруков заявил о том, что его задача «носит определенный, чисто военный характер», и сводится к защите Киева от банд Петлюры. Долгоруков заверил собравшихся, что он поддерживает постоянный контакт с представителями союзников в Одессе. «У нас имеется твердая уверенность в том, что их реальная помощь последует в самые ближайшие дни, что движение Петлюры будет скоро ликвидировано, и что вслед за этим начнется общая дружная работа по воссозданию Великой России»⁷⁰. С первых же своих шагов на посту Главнокомандующего Долгоруков проявил враждебное отношение к Добровольческому центру в лице представителя Деникина в Киеве генерала П. Н. Ломновского. Долгоруков стремился обезопасить себя от

всякого вмешательства в дело формирования самостоятельной вооруженной силы Украинской Державы. Офицеры же охотнее шли к Ломновскому, чем к Долгорукову. Последний, понятно, проявлял по этому поводу своеобразную ревность. Налицо была нелепая ситуация, при которой существовало фактически двойственное подчинение добровольческих дружин. Ходили слухи, что дружинники собираются арестовать Долгорукова⁷¹. Последний в ответ решил 22 ноября арестовать генерала Ломновского, заключив его под «стражу» в одну из свободных комнат в его собственной квартире⁷²! Долгоруков, ко всему прочему, был убежден еще и в том, что Ломновский интригует против него и является его личным врагом. В рапорте на имя Деникина Ломновский приводил слова Долгорукова, обращенные к нему: «Ваше Превосходительство, Ваше поведение последних дней вынуждает меня арестовать Вас». На просьбу Ломновского объяснить, за что его арестовали, Долгоруков отвечал: «в дружинах Святополк-Мирского и Рубанова бунты, там чуть ли не открыто говорят, что меня надо арестовать. Долг службы вынуждает меня арестовать Вас, я — человек решительный». По словам Долгорукова, он вынужден «идти ва-банк»⁷³. Улаживать последствия нелепого поступка Долгорукова пришлось общим приятелям Ломновского и Долгорукова — Гейдену, генералу Николаю Николаевичу Шиллингу и другим. Гейден был убежден, что «все офицерство, боровшееся на позициях, окружающих Киев, на стороне Деникина», и что оно, узнав об аресте Ломновского, «возмутится и не оставит этого дела, так и бросит Киев и уедет на Дон или произведет какую-нибудь внутреннюю расправу с врагами Добровольческой армии...»⁷⁴ Генерал Шиллинг в итоге отправился вести переговоры с упрямым Долгоруковым, убеждая его не просто освободить Ломновского, но и извиниться перед ним. После долгих и мучительных бесед Шиллинга с Долгоруковым и Ломновским, в буквальном смысле бегавшего от «тюремщика» к «арестанту»⁷⁵, Ломновский согласился принять извинения от Долгорукова, но заочно — через Шиллинга, не желая общаться с Главнокомандующим⁷⁶. Караул у комнаты, в которой находился под арестом Ломновский, был снят. Вновь возник вопрос о полном подчинении добровольческих частей местному командованию. По этому поводу Ломновский заявил общественным деятелям: «Ввиду крайней неустойчивости положения в Киеве и возможности перенесения гражданской войны внутрь города; ввиду того, что вопрос о недопущении повстанцев в город ставится чуть ли не всецело в зависимость от полного подчинения дружин местному командованию, я (принимая во внимание, что случае захвата Киева повстанцами это было бы приписано действиям представительства Русской Добровольческой армии (так на территории Украины чаще всего называли армию генерала Деникина. — А. П.), внесшего двоевластие, я решил подчинить дружины Р. Д. армии во всех отношениях местному командованию с тем, чтобы я был своевременно осведомляем о всех мероприятиях, касающихся этих дружин»⁷⁷.

Конфликт между Ломновским и Долгоруковым, хотя и был разрешен всего за несколько часов, не остался неизвестным для широкой общественности, произведя, прежде всего, самое «удручающее впечатление на офицерство», — писал осведомленный мемуарист В. М. Ле-

витский. Он же дал едкую, но, наверное, правдивую характеристику Ломновского: «Да и что мог сделать этот растерянный генерал без средств, без людей, без авторитета?»⁷⁸ Действительно, Ломновского интересно сравнивать с Ненюковым и А. Н. Гришиным-Алмазовым, оказавшимися примерно в той же самой ситуации, в те же самые дни в Одессе. «Нелепые» же, по словам Деникина, трения между «верхами правления и командования становились немедленно достоянием широкой публики и производили глубоко деморализующее впечатление среди защитников Киева»⁷⁹.

К концу первой декады декабря 1918 г. движение петлюровцев к Киеву стало уже необратимым. Тем временем рушился главный расчет Скоропадского на ожидаемую со дня на день помощь Антанты. Французский вице-консул в Киеве Э. Энно (так и не добравшийся в итоге до места назначения), находясь в Одессе, успокаивал киевлян и жителей всего края ободряющими телеграммами, обещая быстрое и своевременное содействие и возлагая ответственность за возможное кровопролитие «лично на всех лидеров партий и организаций вне зависимости от их политической окраски стремящихся сеять смуту или распространять анархию»⁸⁰. Однако более реалистично смотрели на вещи киевские обыватели, начавшие массовый исход из Киева в Одессу, под защиту французского десанта. В большинстве своем бежали из гетманского Киева как раз те русские люди, которые совсем недавно пытались найти здесь защиту. Русское беженство устремилось теперь в Одессу. Конец гетманщины наступил внезапно. 13 декабря 1918 г. в Казатине было заключено соглашение между германским командованием и петлюровцами. В обмен на беспрепятственную эвакуацию немцы обязались не мешать вступлению петлюровцев в Киев⁸¹. Переговоры французского вице-консула Мулена с Директорией были уже по сути своей бессмысленны.

Киев остался фактически беззащитен. Эффективного сопротивления дружинники оказать петлюровцам не смогли, сдерживать наступление петлюровцев на Киев вскоре стало невозможно, всеобщая мобилизация населения также в общем-то провалилась; секретные донесения тайной полиции отмечали «слабую явку по мобилизации призываемых лиц»⁸². Призываемые сразу же отправлялись по назначению в «подлежащие полки»⁸³. Сводки тайной полиции отмечают, что за один день 12 декабря в Дворцовом районе Киева на учет было взято 356 человек, но всего 142 человека было отправлено в части, а 324 освобождено от службы. Сколько из этих 142 человек дошло до позиций — выяснить не представляется возможным. В других районах картина была более обнадеживающая: так, например, в Печерском районе за период с 9 по 12 декабря 1918 г. только в Сердюковский полк был зачислен 201 человек⁸⁴. Особенностью поступавших были их низкие боевые качества, нежелание воевать и подверженность большевистской, а в особенности петлюровской агитации⁸⁵. Быть может, всеобщая мобилизация даже и такого негодного элемента и могла бы спасти гетманский Киев, если бы не проводилась в такой лихорадочной спешке, тем более что, видя безнадежность положения, Скоропадский отрекся 14 декабря 1918 г. от власти и, видимо, был вывезен под видом раненого немецкого офицера

в Берлин⁸⁶. «Отречение» гетмана было составлено в очень эмоциональной манере: «Я, гетман всея Украины, в течение 7, 5 месяцев все силы свои клал на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Бог не дал мне силы справиться с этой задачей. Ныне, в виду создавшихся условий, руководствуясь исключительно благом Украины, я от власти отказываюсь»⁸⁷. Скоропадский оставлял Киев с тяжелым чувством обиды на людей, которые за ним «не пошли», не понимая Павла Петровича, меньше года тому назад «с такой доверчивостью» пошедшего «на эту каторгу, веря, что меня (П. П. Скоропадского. — А. П.) поймут»⁸⁸. Не поняли, и гетман вынужден был бежать из Киева. Скоропадский дожил до глубокой старости и трагически погиб в апреле 1945 г. во время бомбардировки американской авиацией станции Меттен в Баварии⁸⁹.

Храбрый офицер, Долгоруков в этой ситуации растерялся. Выступавший в роли переводчика на переговорах Мулена с Директорией, известный общественный деятель полковник Борис Александрович Энгельгардт (к слову сказать, сотоварищ Скоропадского и Долгорукова по Пажескому корпусу) оставил в своих воспоминаниях яркое описание своего диалога с Долгоруковым: «“По сведениям, полученным мною, петлюровцев не менее 20 тысяч человек, — сказал я, — при таком соотношении сил возможно только отступление и очищение Киева”. Долгоруков быстро подошел ко мне: “Ты говоришь — отступление... — торопливо заговорил он, — какое теперь отступление, сопротивление невозможно, нужна капитуляция... я приказываю капитуляцию...”; — как-то бестолково заключил он и, не подписывая никаких приказов, бросился к выходу, не обращая внимания на гневные и даже грубые выкрики по его адресу молодых офицеров штаба...»⁹⁰ Поведение Долгорукова действительно необъяснимо. Вдовствующая императрица Мария Федоровна писала в своем дневнике: «Долгоруков, по-видимому, совсем потерял голову и внезапно ушел со своего поста, оставив на произвол судьбы всех офицеров, которых, разумеется, тут же арестовали и бросили в тюрьму. Совершенно непонятно, что с ним произошло, ведь это очень храбрый и энергичный человек...»⁹¹

Долгоруков сдал войска на капитуляцию без всяких условий и отбыл в Одессу. Вслед за Главнокомандующим, еще до вступления петлюровцев в Киев бежали и офицеры штаба Долгорукова⁹². Ни Долгоруков, ни его патрон Скоропадский умереть героями не пожелали, предпочтя смерти позорное бегство. Гетманщина, начавшаяся опереткой, завершалась трагикомедией, персонажами которой были гетман сотоварищи с одной стороны, а с другой — действительной трагедией рядовых защитников Киева, преданных и брошенных своим начальством на произвол судьбы.

Начальство бежало, и героические защитники Киева были отныне предоставлены сами себе. 13 декабря генерал Кирпичев приказал прекратить сопротивление, а дружинникам собраться в Педагогическом музее, и там ждать решения своей участи. На следующий день петлюровская армия вошла в Киев. «Но вот и победители. Показались верховые в белых шапках с кистями, за ними идет стройными рядами пехота, в немецких касках. На душе неспокойно. Грустно.

Идут “самостийники”. Это похуже гетмана. При нем была хоть видимость власти. И хотелось думать, что власть его временная, что он играет какую-то хитрую роль на пользу России и что наступит, конечно, день, когда, проснувшись, мы увидим, вместо “желто-блакитного” знамени, наш родной национальный флаг. С приходом же петлюровцев эта, быть может, фантастическая надежда, гнездившаяся у многих в душе, отпала», — вспоминал Н. Плешко⁹³. На папахх сечевиков были нашиты красные ленты, а на груди — банты того же цвета⁹⁴. Начались массовые аресты чиновников гетманского правительства⁹⁵, судьба которых сложилась сравнительно неплохо, если сравнивать ее с судьбой действительных защитников Киева — офицеров. Самосуду подверглись многие офицеры, находившиеся на излечении в госпиталях, их изуродованные трупы затем были свезены грузовиками на свалку и там брошены без погребения; более ста офицеров было убито около здания Педагогического музея⁹⁶. Классическое объяснение расстрелу было, как вспоминал военный министр Центральной Рады А. Т. Жуковский, следующее: попытка побега⁹⁷. По свидетельствам искушенных уже гражданской войной очевидцев, жестокость и кровожадность петлюровцев превосходила даже большевиков⁹⁸. Некоторые офицеры, послушавшись приказания Кирпичева и не ожидая ничего хорошего от пребывания в Киеве «под Петлюрой», рискуя жизнью, самостоятельно пробирались в Одессу — где, как уже все знали, существует многочисленный отряд добровольцев, и куда уже прибыли союзники⁹⁹. Основная же масса, выполняя приказ начальства, собралась в Педагогическом музее — всего более 2 тыс. офицеров¹⁰⁰. До выяснения их участи вход в музей был взят под охрану германских и украинских караулов. По требованию петлюровцев дружинники сдали все оружие, которое у них было. Ближайшие дни для разоруженных офицеров были очень тяжелыми: угроза самосуда со стороны петлюровцев постоянно присутствовала¹⁰¹. Угнетенному состоянию духа способствовали и невыносимые условия пребывания в музее: недостаток пищи, духота, отсутствие уборных¹⁰². Подавляла неизвестность, особенно в связи с приближением к Киеву советских войск с севера, которые шли по пятам эвакуировавшейся германской армии.

Наступило нерадостное Рождество. В один из рождественских дней поздним вечером в здании Педагогического музея раздался мощный взрыв, вылетели стекла из окон. В одном помещении музея — круглом зале — рухнул прямо на спящих на полу людей громадный купол из толстого стекла. От взрыва пострадало более 200 офицеров. Петлюровцы обвинили арестованных в том, что они сами произвели взрыв якобы с целью побега, русские же круги обвиняли Петлюру в обрушении потолка на головы заключенных офицеров¹⁰³. И хотя причины взрыва так и остались неясны, украинские власти использовали его как повод для начала новых репрессий¹⁰⁴. Вновь начались расстрелы арестованных, проводившиеся примерно в одно и то же время вечером¹⁰⁵. Генералы и старшие офицеры были отправлены в Лукьяновскую тюрьму, остальным узникам было запрещено всякое общение с родными. Благодаря заступничеству киевских организаций, консулов, целому ряду телеграмм, которые были посланы Деникиным высоким чинам союзных армий, включая самого маршала Ф. Фоша, и Директории¹⁰⁶, заключенные были освобождены и в мас-

се своей были отправлены эшелонами в Германию¹⁰⁷. Большую роль в спасении офицеров сыграл и генерал Ломновский, штаб которого остался неприкосновенным благодаря ультимативному требованию из Одессы французского консула Э. Энно, направленному на имя украинской Директории¹⁰⁸. Прибывших в Германию русских офицеров новое германское республиканское правительство разместило в расположенных вблизи Берлина лагерях для военнопленных, но им была предоставлена полная свобода. Вскоре многие уехали морем, через Штеттин, в Эстонию, чтобы присоединиться к Белой армии генерала Юденича; другие разными путями перебрались на Дон, где влились в армию генерала Деникина, продолжавшую борьбу с большевиками. Главным событиям гражданской войны в России еще предстояло произойти.

¹ Подробнее см.: Пученков А. Переворот в цирке // Родина. 2007. № 7. С. 81–83.

² Дружинин. Последние дни гетманской власти // Донская волна. Новочеркасск. 1919. № 7 (35). С. 10.

³ Отставка кабинета // Киевская мысль. 1918. 20 (7) октября.

⁴ Беседа с Ф. А. Лизогубом // Там же. 1918. 22 (9) октября.

⁵ Киевская мысль. 1918. 24 (11) октября.

⁶ Там же. 1918. 25 (12) октября.

⁷ Прохода В. Вождь та військо // Збірник пам'яті Симона Петлюри (1879–1926). К., 1992. С. 131.

⁸ «Меняйте флаг, — сказал граф Д. Ф. Гейден Скоропадскому при встрече — Теперь это возможно, и все русские ждут этого с нетерпением». (Hoover institution archives (HIA). Stanford University. Heiden memoirs. Box 1. Folder 9. Civil war, 1917–1920. L. 56.) — Предоставлена К. М. Александровым (Санкт-Петербург).

⁹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВО Украины). Ф. 4547. Оп. 1. Д. 2. Записки генерала Б. С. Стеллецкого. Л. 118.

¹⁰ ЦГАВО Украины. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 2. Л. 119–121.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р–446. Оп. 1. Д. 17. Сводка контрразведывательной организации В. Шульгина «Азбука». Л. 2.

¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 4. С. 274.

¹³ Слободской А. Среди эмиграции (Мои воспоминания). Киев–Константинополь. 1918–1920. Харьков, 1925. С. 16.

¹⁴ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 5–6; Киевская мысль. 1918. 15 (2) ноября.

¹⁵ Франц Г. Эвакуация германскими войсками Украины (Зима 1918–1919 гг.) // Историк и современник. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 265.

¹⁶ Groener W. Lebenserinnerung. Göttingen, 1957. S. 411.

¹⁷ Шульгин В. Консул Энно // Русская газета. Париж. 1924. 14 октября.

¹⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 18. Письмо Алексева Ломновскому. 1918. 4 сентября. Л. 4.

¹⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 272.

²⁰ Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив. М., 1995. Вып. VI. С. 615.

²¹ Киевская мысль. 1918. 25 (12) октября.

²² Нефедов Н. Украина в 1918 году // Вече. Мюнхен, 1986. № 21. С. 119.

- ²³ Хитрово В. Киевская эпопея 1918 года // 1918 год на Украине. М., 2001. С. 143; Воейков В. Н. С Царем и без Царя. М., 1994. С. 230.
- ²⁴ Воззвание Киевской Добровольческой дружины // Наш путь. Киев. 1918. 19 (6) ноября.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 11. Д. 51. Записка капитана Г. Лерхэ. Л. 99.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Письмо офицера В. из Киева. 5 декабря 1918. Л. 213.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 15. Записка А. А. Котлецова о киевских событиях. 1919 г. Л. 9.
- ²⁸ Русский голос. Киев. 1918. 10 (28 октября) ноября.
- ²⁹ Галаган М. З моїх споминів. К., 2005. С. 393.
- ³⁰ Подробнее см.: Пученков А. С. В. В. Шульгин и южнорусское Белое движение в 1917–1918 годах // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. статей. СПб., 2005. С. 198–207.
- ³¹ Лозунгом газеты было: «Император Николай II умер. Да здравствует его законный Наследник». (См.: Ефимовский Е. А. Встречи на жизненном пути. Париж, 1994. С. 68).
- ³² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Воспоминания кадета В. М. Левитского. Л. 22.
- ³³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 2. М., 2011. С. 568.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
- ³⁵ Приказ ген. Кирпичева // Киевская мысль. 1918. 15 (2) ноября.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 11. — Сохранены особенности пунктуации в оригинальном тексте телеграммы. По словам начальника штаба представителя Деникина в Киеве, полковника Н. З. Неймирока, Главнокомандующий «приказал, чтобы все добровольческие дружины, готовые формироваться под флагом Русской Добровольческой армии, в оперативном отношении подчинились местной власти, дабы этим избежать двоевластия. Как только будет установлен порядок, добровольческие дружины в оперативном отношении перейдут к Добровольческой армии, а затем будут находиться под единым командованием». (Беседа с полк. Неймироком // Киевская мысль. 1918. 3 декабря (20 ноября)).
- ³⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 272.
- ³⁸ Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись А. И. Деникина «Заметки, дополнения и размышления к "Очеркам русской смуты"». Folder 1. L. 35. — Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).
- ³⁹ Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920). К., 2007. С. 98.
- ⁴⁰ Грамота гетмана // Киевская мысль. 1918. 15 (2) ноября.
- ⁴¹ Государственный архив Киевской области (далее — ГАКО). Ф. Р-2793. Оп. 2. Осведомительные сводки по Киеву тайной полиции. Л. 45.
- ⁴² ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 245.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Сводка «Азбуки». Л. 11.
- ⁴⁴ Удовиченко О. І. Україна у війні за державність. К., 1995. С. 47.
- ⁴⁵ Голицын А. Д., кн. Воспоминания. М., 2008. С. 479.
- ⁴⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 280.
- ⁴⁷ Шинкаренко Н. В. Вечер в Оргееве (Из воспоминаний о графе Келлере) // Донская волна. 1919. № 2 (30). С. 7.
- ⁴⁸ Лодыженский А. А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 113. Из письма генерала Никольского А. А. Лодыженскому. 25 ноября 1918. Киев.
- ⁴⁹ Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – Грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 312–313.
- ⁵⁰ Пташинський П. Організація збройних сил української і російської контрреволюції та бюджет гетьманщини (1918 р.) // Архив радянської України. 1932. № 4–5. С. 314–315.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 191.
- ⁵² Гагкуев Р. Г., Балмасов С. С. Генерал Ф. А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты // Граф Келлер. М., 2007. С. 1126.

- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
- ⁵⁴ Черячукин А. В. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг. // Донская летопись. 1924. № 3. С. 214.
- ⁵⁵ Топорков С. А. Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. Париж. 1962. № 19. С. 19.
- ⁵⁶ Родзянко А. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 189.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 18. Л. 66. Письмо генерала Б. А. Штейфона. 6 ноября 1918.
- ⁵⁸ Кислицин В. А. В огне гражданской войны. Харбин, 1936. С. 11. — По другим свидетельствам, граф, напротив, не слишком верил в успех своей службы под началом гетмана. (Ельшин А. Я. На суше и на море // Морские записки. Т. 3. Нью-Йорк, 1945. № 4. С. 213–214.)
- ⁵⁹ Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов. К., 1937. С. 335–336.
- ⁶⁰ Заявление ген. Ф. А. Келлера // Киевская мысль. 1918. 20 (7) ноября.
- ⁶¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 281.
- ⁶² Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. М., 1996. С. 118.
- ⁶³ Одесские новости. 1918. 16 (29) ноября.
- ⁶⁴ Heiden memoirs... Л. 58–59.
- ⁶⁵ Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – Грудень 1918. С. 314.
- ⁶⁶ Heiden memoirs... Л. 59.
- ⁶⁷ Киевская мысль. 1918. 28 (15) ноября.
- ⁶⁸ Кручинин А. Христианский рыцарь // Военная быль. 1993. № 3 (132). С. 25.
- ⁶⁹ Heiden memoirs... Л. 59.
- ⁷⁰ Заявление главнокомандующего кн. А. Н. Долгорукова // Киевская мысль. 1918. 3 декабря (20 ноября).
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 16. Л. 4; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 283.
- ⁷² Heiden memoirs... Л. 62.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 17–18.
- ⁷⁴ Heiden memoirs... Л. 62–63.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 745. Воспоминания генерала Н. Н. Шиллинга. Л. 65.
- ⁷⁶ Heiden memoirs... Л. 64.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 17. Л. 18–19. Рапорт генерала Ломновского на имя Деникина.
- ⁷⁸ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Воспоминания кадета В. М. Левитского. Л. 26.
- ⁷⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 285.
- ⁸⁰ Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 8. Л. 24. Телеграмма Э. Энно от 9 ноября 1918.
- ⁸¹ Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. С. 119.
- ⁸² ГАКО. Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.
- ⁸³ Там же. Л. 23.
- ⁸⁴ Там же. Л. 12.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 34.
- ⁸⁶ Филиппов А. Из недавнего прошлого. Последний день гетманского дворца // Русская газета. Париж. 1925. 21 марта.
- ⁸⁷ Отречение гетмана // Киевская мысль. 1918. 15 (2) декабря; «От власти отказываюсь» (Документы о гетманщине из архива Харьковского губернского старосты) // Летопись революции. 1924. № 2 (7). С. 224.
- ⁸⁸ Скоропадський П. Спогади. Кінець 1917 – Грудень 1918. С. 325. — 10 лет спустя, в письме генералу А. А. фон Лампе, Скоропадский осуждал войска, которые «обязаны были Киев и меня защищать, но по тем или другим причинам, о которых здесь говорить не место, своей задачи не выполнили...» // Цит. по: Обиженный гетман. Как

Михаил Булгаков рассорил Павла Скоропадского и Алексея фон Лампе / Вступ. ст. и публ. Е. Широковой // Родина. 1997. № 9. С. 66.

⁸⁹ Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. С. 120.

⁹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1052. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 25–26. Воспоминания полковника Б. А. Энгельгардта.

⁹¹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2006. С. 313. Запись в дневнике от 22 марта 1919 г.

⁹² В штабе кн. Долгорукова // Киевская мысль. 1918. 15 (2) декабря.

⁹³ Плешко Н. Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. М., 1993. Т. 9. С. 218.

⁹⁴ Нефедов Н. Украина в 1918 году // Вече. Мюнхен, 1986. № 21. С. 121.

⁹⁵ Будберг Р. Ю. «Страшное». Из эпохи Украинской Директории // На чужой стороне. Т. III. Берлин; Прага, 1923. С. 65.

⁹⁶ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 291.

⁹⁷ ЦГАВО Украины. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

⁹⁸ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 196–197.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 520. Л. 1. Воспоминания добровольца П. Московского; ГАРФ. Ф. Р–5881. Оп. 2. Д. 445. Л. 1. Воспоминания добровольца А. Лангового.

¹⁰⁰ Гуль Р. Киевская эпопея // Архив русской революции. Т. 2. М., 1991. С. 96.

¹⁰¹ Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. I. Россия в Германии. М., 2001. С. 56–57.

¹⁰² Нефедов Н. Украина в 1918 году // Вече. Мюнхен, 1986. № 21. С. 121–122.

¹⁰³ Шульгин В. Открытое письмо к г. Петлюре // Россия. Одесса. 1919. 9 (22) января.

¹⁰⁴ Нефедов Н. Украина в 1918 году // Вече. Мюнхен, 1986. № 21. С. 122.

¹⁰⁵ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 150.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р–446. Оп. 1. Д. 3 в. Л. 45.

¹⁰⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. IV. С. 287.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р–446. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.